

Екатерина Рагозина

Поймать чайлдфри

История одной авантюры

Екатерина Сергеевна Рагозина

Поймать чайлдфри

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24868041

Аннотация

Главная героиня книги – 33-летняя вдова, чей женский век, по ее собственному определению, подходит к концу и подталкивает ее к быстрым и решительным действиям. Переступив через горестные воспоминания о погибшем муже и справившись с угрызениями совести, Лиза мертвой хваткой вцепляется в своего закадычного друга, который, по ее мнению, может стать наилучшим отцом для ее будущей дочери: он умен, талантлив, красив, и, кроме того, он убежденный чайлдфри, а значит не станет претендовать на внимание ребенка после того, как тот родится. Приятный для обеих сторон расклад – если вы понимаете, о чем я... По идее все должны остаться довольны, но почему же с самого начала все идет наперекосяк??

Екатерина Рагозина

Поймать чайлдфри

Часть 1. Милый друг.

Глава 1.

– Олег, ты – мой друг, – начала я, морщась от банальности. – Ты знаешь, что мой муж погиб, и с тех пор прошло уже больше пяти лет.

– Конечно, Лиза, я все знаю и даже не могу представить, насколько это больно. Ты об этом хотела со мной поговорить? Я всегда готов тебя выслушать, – сказал Олег, аккуратно, краем глаза взглянув на часы.

Его движение от меня не укрылось, но я уже привыкла к подобным вещам и потому только слабо улыбнулась. Мой друг – человек в футляре, причем футляр он надел по доброй воле. Не будь на нем этой черствой оболочки, этой тщательно отполированной дисциплины и этого трепетного отношения ко времени, он не стал бы успешным бизнесменом, хозяином жизни. «Хозяин жизни» – это про него.

На его часах 8 с четвертью. 8 утра, конечно, потому что в 8 вечера у Олега еще продолжается стремительный рабочий процесс: он либо перебирает бесконечные документы в своем роскошном кабинете, либо принимает в переговорной размером с футбольное поле особенно назойливых клиентов и партнеров. Мы вместе учились на юридическом, и он, в

отличие от меня, нашел, как себя применить – создал собственную фирму, которая рвет на куски конкурентов и «ворочает» огромными суммами. Я после универа еще несколько лет моталась по свету, без денег и без постоянной работы, пока не написала и не продала свою первую книгу. Как завязалась наша дружба, до сих пор никому не ясно, в особенности – нам самим. Тем не менее, мы дружны уже лет 15. Ну да, 15.

– Нет, Олежа. Разговор более сложный и даже неловкий, но я надеюсь на то, что ты, будучи разумным человеком, поймешь меня правильно.

– Не пугай, – сказал он, впрочем, совсем не испуганно. – И сама не нервничай. Вот, лучше выпей кофе.

Мы сидим с ним в ресторане на Невском проспекте – в одном из тех, что мне не по карману. Это в стиле моего друга – пригласить в заведение с пугающими ценниками и недоумевать, почему я ничего не хочу заказывать. Магически прозорливый и деликатный в своем труде он порой демонстрирует удивительную тупость в том, что касается понимания собственно людей и различий между ними – впрочем, я его люблю и за недостатки. Ну, до определенного предела, конечно.

– Олег, скажи мне, ты по-прежнему чайлдфри?

Он даже поперхнулся.

– Ну да, и, кажется, не поменяю своих взглядов. А что, какая-то из двух моих возлюбленных забеременела и расска-

зала тебе?

У него и в самом деле две любовницы сразу, и он не видит в этом ничего отвратительного. Причем обеих любовниц он догадался познакомить со мной, и теперь эти дамы, которым, естественно, нельзя знать друг о друге, донимают меня звонками и сообщениями в соцсетях. К четвертому десятку он сформировал сугубо потребительское отношение к женщине, но если в любой другой день я могла бы обрушиться на него с гневной критикой, то в такой щекотливой ситуации его полигамность мне только на руку. Боже мой, как же это сказать?

– Олег, помоги мне зачать ребенка.

– Что???

Мне пришлось несколько раз шлепнуть его по спине, так сильно он закашлялся. Да уж, впечатление произведено неизгладимое.

– Друг мой, я все тебе объясню, – говорила я очень торопливо, дрожащими руками стирая пятна кофе с его галстука. – Мой муж погиб больше пяти лет назад, моему сыну сейчас 7 лет, в этом году он в школу пойдет. Мы с Игорем всегда мечтали о том, что у нас будет дома настоящий детский сад, но он даже одного малыша толком не успел покачать на руках. У меня в груди целое озеро нерастраченной нежности, изнутри распирает, понимаешь? А, между тем, мне уже 33 года, и мой женский век подходит к концу. 33, слышишь меня? У меня никого нет и, скорей всего, не появится

ся. А я очень хочу девочку. Маленькую такую девочку, чтобы качать ее на руках, наряжать в платьица, учить всяким женским премудростям... Сын тоже просит сестренку и уже давно. Ну, понимаешь?

Я заглянула ему в глаза и увидела в них подлинный ужас.

– Мать, ты рехнулась что ли?

– Не исключаю.

– Я-то тут причем? Есть же масса возможностей забеременеть в одиночку. Ты про искусственное оплодотворение слыхала, мать?

Я стерла первую слезу. Реветь мне хотелось не потому, что он, по сути, уже отказал, – учитывая пикантность предложения, я была к этому готова. Просто я впервые высказала вслух свои печали, которые раньше «переживала» только про себя, в темноте и одиночестве, и сырость в глазах появилась скорей от облегчения.

– Слышала, конечно. Только мне важно зачать ребенка не от анонима, а от хорошего, проверенного человека. Ты как раз такой, я тебя сто лет знаю.

– Донора спермы, насколько мне известно, ты тоже можешь выбрать сама, по тем параметрам, которые тебя устроят.

– «По параметрам»... Параметры – еще не человек... Да и вообще... как-то не по-людски это.

– А то, что ты мне предлагаешь – это значит по-людски? Лиза, тебе надо успокоиться и отдохнуть; по-моему, у тебя

в голове каша.

Знал бы он, как много и мучительно я размышляла на эту тему, не упрекал бы за кашу. Что там еще может свариться после стольких бессонных ночей?

За столом установилось молчание. Я всхлипывала и делала вид, что разглядываю сумасшедший ресторанный интерьер, Олег сурово смотрел из-под бровей.

– К чему ты спросила, по-прежнему ли я чайлдфри? Что за нелепость? Я детей никогда не хотел и не захочу.

– В этом и смысл! – я снова оживилась и почти подскочила на стуле.

– Вообще никакого смысла.

Кажется, он всерьез обиделся, но если уж я начала говорить, то нужно закончить мысль.

– Нет, нет, это и здорово! Я предлагаю только помочь мне зачать, и больше от тебя ничего не потребуется. Если захочешь, то можешь принимать участие в воспитании на расстоянии, а не захочешь – вообще никогда не увидишь малыша, и я тебе о нем не буду напоминать. Можешь быть уверен, данное мной слово – закон.

– Теперь знаю, что твои слова означают. Тебе надо лечиться от депрессии.

– Да нет у меня никакой депрессии! – наконец, не выдержав, закричала я. Благо, в 8 утра в ресторане никого нет, можно и покричать.

Я встала из-за стола и начала прощаться.

– Извини, Олег, наверное, я действительно сошла с ума, но мой бабий ум подсказал обратиться именно к тебе: ты мой друг и один из лучших людей, которых я знаю. Если ты сейчас не понял меня, то, надеюсь, что поймешь через некоторое время. Я рубанула с плеча, поэтому получилось так глупо, надо было аккуратней действовать. Не обижайся, я не хотела тебя оскорбить. А вообще говоря... просто забудь, – конец фразы потонул в сочном всхлипе.

Я шла к выходу, медленно волоча ноги – как заяц-подранок, которого подстрелили охотники. На окрик Олега: «Лиза, я тебе позвоню!» я даже не обернулась – наверное, для того, чтобы не показать, какое отчаянное выражение приобрело мое лицо. Меня душили слезы.

Глава 2.

Читатели знают меня под псевдонимом Эльза Кнехт – я пишу средние книги для средних умов, в основном небольшие повести о любви и философские рассказы. Кнехт – девичья фамилия моей бабушки, немки по происхождению, о которой я, возможно, напишу в будущем целый роман – так интересна и трогательна ее судьба. По паспорту меня зовут Елизавета Торопова, где Торопова – фамилия, доставшаяся от покойного мужа.

Если бы еще лет шесть назад меня спросили, может ли случиться трагедия, которая, в буквальном смысле, порвет меня на части, я бы уверенно ответила – нет, меня ничто

не может сломить. Сколько себя помню, у меня всегда был борцовский характер, и я никогда не была склонна к долгим переживаниям и огорчениям. Этому способствовало и не самое радужное детство в провинции, и наступившая впоследствии необходимость в одиночку выживать в тогда еще чужом, огромном Питере, где я училась и где впоследствии осела, кажется, навсегда. Наверное, именно благодаря моему характеру мы и подружились с Олегом, который уже тогда носил свой футляр, но в тайне, я думаю, нуждался в родственной душе, а потому вцепился в меня мертвой хваткой и с тех пор не отпускает, даже несмотря на свою постоянную занятость, длительные разъезды и многочисленных, периодически сменяемых любовниц.

Когда мы впервые встретились в университетской аудитории, мне было 17, а ему 22, он пришел на юридический после срочной службы и еще двух лет службы по контракту. Армию он покинул по доброй воле и безо всякого сожаления, хотя, как сам рассказывал, делал успехи, пользовался авторитетом у подчиненных и уважением у начальства и мог бы посвятить этому жизнь. На курсе он сразу стал одним из лучших, ему прочили блестящую карьеру, и он оправдал даже самые смелые надежды.

Что касается меня, то я особых надежд не подавала, хотя училась не намного хуже. Несмотря на всегдашнюю сдержанность и дисциплину, во мне уже тогда чувствовались несовместимые с юриспруденцией мечтательность и рассеянность,

которые заставляли моих преподавателей вздыхать, а Олега – лукаво улыбаться.

Проект фирмы у него появился еще на первом курсе, фундамент он закладывал на протяжении второго и третьего, а на четвертом уже начал полноценно работать. Прошла всего пара лет после выпуска из универа, а его контора уже гремела на всю Россию. Сейчас он один из важнейших специалистов страны, его знают, боятся, добиваются его внимания и метят к нему в нахлебники. Денег у него столько, сколько мне с моим скромным писательским талантом, видимо, никогда не заработать. Мне, впрочем, столько и не требуется.

Олег неоднократно звал меня к себе работать, но я выбрала свободу. По окончании универа я на пару лет уезжала в Германию и даже подумывала там остаться, но тоска по родному Питеру взяла свое – я вернулась еще более дикая и своевольная, чем прежде. Просила Олега встретить меня с самолета, но он не смог прорваться сквозь плотный график и прислал «своего человека». У него масса мальчиков и девочек на побегушках.

В тот же год я написала свою первую повесть, которую напечатало небольшим тиражом одно из малоизвестных питерских издательств. Никакого особенного ажиотажа вокруг нее я не ждала, но, к моему удивлению, ее заметил популярный литературный критик и написал небольшую хвалебную рецензию. Это меня очень взбодрило, но не помогло – следующие две повести остались незамеченными.

Денег не хватало, я перебивалась публикациями в журналах и переводами. В один «прекрасный» момент хозяин квартиры, которую я снимала, попросил меня «на выход», и Олег тогда очень помог: просто взял меня «под уздцы» и отвез на Васильевский остров к своей пожилой маме, которая с радостью разбавила мной свое одиночество. Вот благодаря ей-то, вернее благодаря ее неважному здоровью, я и познакомилась со своим будущим мужем Игорем.

Игорь руководил бригадой скорой помощи, которая приехала по моему вызову, когда у матушки Олега критически упало давление. Обаятельный, разговорчивый, рослый врач, с благородными чертами лица, оттененными очками в тонкой оправе, сразу же произвел на меня впечатление, поэтому я с радостью и по первому требованию дала ему свой номер телефона. Вечером того же дня он стоял у нашего подъезда и вызывал меня на прогулку, утром следующего – провожал в редакцию газеты, где я тогда пыталась «зацепиться». Я не то чтобы влюбилась в него без памяти, поначалу его настойчивость даже раздражала, но он так плотно взял меня в оборот и следовал такой продуманной стратегии соблазнения, что уже через месяц я не могла представить себя вновь одинокой и свободной. Поэтому предложение пойти под венец, показавшееся таким скоропалительным моей провинциальной маме, я восприняла, как должное и, не раздумывая, согласилась.

Наша совместная история закручивалась стремительно,

как ураган, и трагедия наступила тоже очень скоро.

Трагедия...

– Мама, ты чего как *сомламбула*?

Мой сын Ваня любит умные, взрослые слова, но частенько по малолетству произносит их неправильно. Вот так новость, оказывается я, находясь в смятении после разговора с Олегом, сама не заметила, как дошла до железной сетки детского садика, где моя ягодка отгуливает последние майские деньки.

– Ты за мной?

Я взглянула на часы – 10 утра с небольшим хвостиком.

– С чего бы это? У тебя же только первый «выгул».

«Выгулами» мы в шутку называем включенные в режим дня выходы дошколят на улицу.

– Ты не работала сегодня?

У нас с сыном заключен договор: несмотря на то, что я не обязана идти к 9 утра в офис, как другие мамы, он прекрасно знает, что мне для работы необходимы одиночество и тишина. Поэтому садик он посещает безропотно, а я легко и с удовольствием выполняю его ответное условие и все свое свободное время провожу с ним. Исключения из этого правила редки: по вечерам мы вдвоем смотрим кино, читаем вслух и играем, а по выходным непременно совершаем выход в люди. Мальчишка растет умным не по годам, и я им горжусь.

– Да, малыш, не работала, сил нет. Послушай, побудь мо-

им душеспасителем сегодня. Поговорю с воспитательницей, думаю, она тебя отпустит.

Сказано – сделано. Уже через полчаса мы идем по Невскому и разговариваем о самых незначительных вещах – малютка справился с удивлением, вызванным внеплановым маминым приходом, и правильно оценил мое состояние. Неудобных вопросов не задает, требует мороженого и каруселей – в общем, ведет себя терапевтически, как и полагается ребенку, и весьма искусно лечит мою рану.

Мы обошли все наши любимые местечки, плотно поели в кафе, и, в конце концов, даже завалились в кинотеатр. Дома были уже ввечеру и вполне счастливые.

Наша с Ваней двушка – это отдельная история. Я смогла ее себе позволить только три года назад, когда мои книги, наконец, стали стабильно продаваться. Никогда до этого я не могла и мечтать о том, что из моего окна будет открываться чудесный вид на Казанский собор и канал Грибоедова; никогда не думала, что мне, привыкшей к темным и узким съемным комнатам и каморкам студенческого общежития, доведется поселиться в такой светлой, просторной, как палуба корабля, и будто бы даже летучей квартире. Мы ее так и называем – «летучий корабль».

Раньше она принадлежала моему приятелю, пожилому художнику, который использовал ее как творческую студию. Потом он решил изменить свою жизнь, – кардинально, как это водится в моем кругу, – и переехал в богом забытую

уральскую деревню, чтобы черпать вдохновение из птичьего пения и молчаливого созревания пшеницы. В квартире после него, несмотря на все наши преобразования, сохранился небывалый, вдохновляющий дух творчества: мне здесь очень легко пишется.

В этот вечер «летучий корабль», как обычно, встречал нас сверкающей, пленительной улыбкой. Уставший Ваня почти сразу завалился спать, а я набрала в ванную горячей воды и погрузилась в нее до подбородка. Наконец, можно отдохнуть и поразмыслить... Итак, о чем я думала до того, как встретила сына?

Трагедия...

Мы с Игорем поженились через месяц после знакомства, а еще через пару месяцев узнали, что ждем Ваню. Муж был вне себя от счастья и в течение всей беременности в буквальном смысле целовал мои следы, а когда долгожданный малыш родился – плакал у моей постели, как мальчишка. Он вел себя удивительно: взял отпуск и в первый месяц жизни ни на минуту не расставался с сыном, потом отпуск закончился, а Игорь совсем перестал спать, и, когда у него не было ночных дежурств на работе, добровольно брал на себя ночные дежурства у детской кровати, несмотря на мои протесты. Он готов был умереть от усталости, лишь бы не уставала я.

Но он умер от другого. Как это часто бывает у врачей, каждодневно работая с больными, Игорь не заметил прихода

собственной муки. Перед самым концом, слившись с мятными больничными простынями, муж признался мне, что его давно начали посещать подозрительные боли, но он был так занят семьей, что ему некогда было обращать на них внимание.

Не хочу вновь воспроизводить страшные детали в своей памяти – может быть, потом, на склоне лет я подробнее напишу об этом в другой своей книге. Сейчас ограничусь лишь короткой констатацией – мой муж умер, когда сыну едва исполнилось полтора года, и, уходя, он горевал не о себе, а о том, что никогда не увидит больше меня и Ванечку.

Прошло больше пяти лет, и я, конечно, уже давно смирилась с потерей. Страдать некогда: нужно работать, поднимать сына. Не могу смириться только с тем, что у меня, похоже, больше никогда не будет детей. А я так хочу дочку...

Мои размышления прервал телефонный звонок. Сердце екнуло от страха, когда на экране высветилось: «Олег».

– Слушаю, – очень осторожно, почти шепотом ответила я.

– Лиза, я долго думал над твоим предложением. По поводу ребенка. В общем, я согласен.

Глава 3.

– Олег Васильевич освободится через пять минут, – жеманная секретарша с бесконечными ногами, почти не взглянув на меня, уселась за свою стойку напротив входа в офис и с преувеличенным вниманием занялась какими-то бумагами.

После вчерашнего разговора по телефону я не могла терпеть и на следующее же утро примчалась к Олегу в офис. Я бывала здесь неоднократно: приходила брать небольшие, посильные мне задания, когда совсем не было денег, и каждый раз меня с новой силой поражала излишне роскошная обстановка, до смешного напыщенный персонал и непрерывающийся гул переговоров, который доносился из-за десятка полупрозрачных дверей. В просторной приемной стояли только диван для посетителей и высокий стол секретарши (привратницы, как я ее называла), и каждый раз за ним сидела новая, незнакомая мне женщина – несмотря на свои однообразно длинные ноги и надутый вид, эти красавицы, по всей видимости, редко справлялись с поставленными перед ними рабочими задачами. Олег полностью доверял только своему личному секретарю, 50-летней Варваре Павловне, которая работала у него практически с первого дня и научилась понимать босса с полуслова. Эта приятная и добродушная женщина, хотя и не старалась подружиться со мной, всегда при встречах искренне интересовалась моими успехами и называла «доченькой». По офису она бродила как нечто инородное, у нее был вид провинциальной, без особого вкуса одетой и причесанной женщины – в общем-то, совершенно простецкий вид, не гармонизировавший с роскошной обстановкой и скорей подходящий для работницы собеса. Однако, никакого стеснения она не испытывала и давно была признана незаменимой.

– Доченька, тебе даже кофе не налили? – услышала я ее ласковый, но зычный голос, и через секунду привратница, сбросив спесь, уже торопливо семенила кухню.

– Давно тебя не видела, милая. Как твоя книга?

– Двигается, Варвара Павловна, но очень медленно – вдохновения нет.

– Может, отдохнуть тебе надо? Ты ведь работаешь без перерыва на выходные.

– Да разве это работа? – улыбнулась я. – Это мечта.

Из переговорной выглянул Олег и, увидев меня, переменился в лице.

– Лиза, ты с ума сошла? Зачем в офис-то приходить?

Я только развела руками и виновато улыбнулась.

– Быстро сюда. Сумасшедшая. Кофе не в переговорную, а в мой кабинет, – крикнул он в сторону кухни и затолкнул меня в дверь, соседнюю с той, из которой вышел.

– Все, что происходит в переговорной, записывается, – пояснил он мне, высыпая в свою кружку пакетик сахара.

Он заметно дичился, однако пауз предпочел избежать. Повинуясь его кивку, я суетливо достала из сумки большой лист бумаги.

– Олег, я с утра успела побывать у своего врача, и она мне посоветовала при зачатии ориентироваться вот на эту таблицу.

– Ничего не понимаю, какой-то календарь майя.

– Цифры слева – это дни менструального цикла, буквы

сверху – обозначения месяцев года, буквы «д» и «м» в поле таблицы – это, как ты, наверное, догадался – «девочка» и «мальчик». В общем, если верить ей, то уже в эту пятницу я смогу зачать девочку.

– Мы сможем, – уточнил Олег каким-то странно глухим голосом.

Я покраснела. Он должен быть на меня очень зол и, наверное, едва сдерживается, чтобы не грубить.

– Только в пятницу? – продолжал Олег. – Я думал, мы попробуем уже сегодня, все дела на вечер отменил.

Шутит или язвит?

– Нет, посмотри на таблицу. Если ей верить, то сегодня у меня вероятность беременности вообще отсутствует.

– Жаль.

Меня снова бросило в жар. Да шутишь ты или нет, демон!? Впрочем, кажется, он даже улыбается.

– А что это за пометки и стрелочки? – он указал мне на одну из клеток, особенно густо испещренную синей ручкой.

– Особенности мужчины нужно тоже учитывать при зачатии. Я назвала врачу твой возраст и группу крови, и она исключила некоторые дни.

– Некоторые? По-моему, тут большинство клеток перечеркнуто.

– Да, шансов не так уж и много. Май уже не считаем, он на исходе, в июне будет только одна попытка, еще две – в июле и еще одна – в августе.

– Хм... ладно, – Олег зажег сигарету с третьего раза.

Наступила минута молчания, во время которой было слышно, как в соседнем помещении Варвара Павловна щелкает кнопкой мыши. Олег взглянул на меня странно и, кажется, немного устало.

– Хорошо, Лиза, я все понял. Будь по-твоему. Но ты ненормальная.

Я молча бросилась к нему на шею, свалив по пути несколько пухлых папок со стола.

– Спасибо, родной! – у меня даже голос задрожал от подступающих слез. – Отнести таблицу Варваре Павловне?

Варвара Павловна, сама того не желая, ведала, в том числе и амурными делами Олега, в частности, составляя еженедельное расписание босса, включала туда и встречи с двумя его любовницами. Каждый раз при этом она, негодуя и обижаясь, повторяла ему упрек в ветрености и напоминала, что пора жениться.

– Нет, нет, ты что! – занервничал он. – Дай сюда свою таблицу. Ни слова Варваре Павловне. Так как насчет сегодняшнего вечера?

– Не поняла.

– Я же сказал, что все отменил на сегодня.

Не шутил значит.

– Ну, не знаю, давай возьмем Ваньку и к твоей маме на Васильевский съездим. Я у нее уже давно не была.

Олег пристально посмотрел на меня.

– Слушай, меня до сих пор не покидает ощущение дикого розыгрыша. Ты серьезно? Значит в пятницу мы с тобой займемся жарким сексом, чтоб зачать тебе дочку, а сегодня не будем предаваться любви, потому что этого нет в твоей таблице, и поедем к маме?

Я снова покраснела до корней волос.

– Ну... да.

Олег безнадежно махнул в мою сторону рукой и закрыл глаза.

– Черт, это Кафка какой-то. Иди. Я позвоню около шести.

Окончательно пристыженная, но решившая твердо стоять на своем, я юркнула обратно в приемную и, уже поправляя волосы у зеркала, услышала, как Олег пригласил к себе Варвару Павловну. «Наверное, уже оправился от шока и снова занялся делами, – с легкой тоской подумала я. – Все-таки свой футляр он любит больше, чем меня».

Глава 4.

– Ванечка, здравствуй, здравствуй, мой сладкий мальчик! С твоей мамой я даже и здороваться не буду, она меня обидела: так долго тебя не возила, что я начала забывать, как ты выглядишь. Садись, мой свет, дай на тебя насмотреться.

Мама Олега, Татьяна Николаевна – это действующий вулкан, который извергается примерно по 80 раз в сутки. Я нежно люблю эту женщину и надеюсь в ее возрасте сохранить такое же присутствие духа и любовь ко всему окружающему.

Она с видимым удовольствием и вниманием слушала бесконечную ванькину трескотню о последних днях в детском саду, о том, что он подружился с «девочкой с сияющими локонами» и «похоже, что это любовь на всю вечность».

— Ну, а у вас что? — обратилась она к нам, когда словесный фонтан сына иссяк. — Сделали ли вы что-нибудь столь же потрясающее?

Мы смущенно покряхтели и начали рассказывать о своих деловых и творческих успехах, но не прошло и минуты, как она прервала нас повелительным жестом.

— Какая скука! Не продолжайте! Ваня, лучше ты Расскажи мне о своей маме, у тебя интересней получится.

Ваня с готовностью затараторил.

— Мама в последнее время ведет себя очень странно, как *сомламбула*. Вчера вот не успела отвести меня в детсад, как вижу — уже идет забирать. Так и забрала, прямо с прогулки.

— А ты что? Узнал, в чем дело?

— Нет, она ничего не сказала, только я видел, что она весь день была грустная и веселилась со мной через силу. А сегодня все наоборот. Пришла меня забирать — и счастливая, как будто ее в мед окунули. Смеялась как *суммашедшая*.

Я смутилась.

— Ванечка, неужели, это так глупо выглядит со стороны?

— Нет, это я глупо рассказываю, а выглядит странно.

— Ну, так что же, — с любопытством теребила его за рукав Татьяна Николаевна. — Из-за чего это она такая? Не прого-

ворилась?

– А как же! Проговорилась, конечно, она же не умеет хранить *конфиденциальность*. Оба раза говорила, что была у дяди Олега.

– Что они, сначала поссорились, потом помирились?

– Да нет вроде, просто болтали. Но о чем – я не знаю.

– И это не твое дело, мама, – подал голос Олег, Впрочем, совсем не грубо.

– Так, так, так, – начала размышлять Татьяна Николаевна, не обращая внимания на слова сына. – Значит у мамы и дяди Олега появилась какая-то тайна, которую они ни тебе, ни мне не хотят раскрывать. Очень интересно.

– Мне тоже, – важно кивнул Ванька. – Но секретики надо хранить.

– Верно, дружок! С другой стороны, если секретик спрятан плохо, значит не такой уж он и важный, согласен со мной?

– Пожалуй, да, – после размышлений ответил Ванька. – А Вы думаете, он плохо спрятан?

– Твоя мама ничегошеньки прятать не умеет, тем более от тебя, уж я-то ее знаю. О чем вы с ней говорили накануне того дня, когда она была грустная? Можешь вспомнить?

– Да обо всем! Сначала она мне читала «Каштанку», потом я ей читал свое стихотворение. Я его прямо во время тихого часа сочинил. Еще мы звонили бабушке в Ивангород, и та ругала маму, что она никак не может выйти замуж. Мама

на нее очень обиделась и даже бросила трубку. Сложные у них отношения. Потом мы просто так поговорили обо всем, и она спросила меня, хочу ли я еще, чтобы у меня была сестра. Я уже давно сестру прошу, но она мне все говорит, что никак не получится.

– А в тот вечер?

– В тот вечер я сказал, что все еще хочу сестру и буду дальше хотеть. Она долго молчала и больше не играла со мной. Я ушел в свою комнату и слышал через стену, как она звонила дяде Олегу и назначала встречу на 8 утра.

– Я-я-я-ясно, – протянула Татьяна Николаевна и оглядела нас каким-то новым необъяснимым взглядом.

Я молча ковыряла едва заметную царапинку на полировке кухонного стола. Не может же она догадаться обо всем, владея такими скудными сведениями? Мне вспомнился рассказ Олега о том, как его мама весьма настоятельно рекомендовала ему завести со мной романтические отношения еще в период студенчества и как тот ответил ей одиноким грубым смешком. В нынешней ситуации Татьяна Николаевна, по всей видимости, воспользовалась не только смутными догадками, но и своими личными фантазиями – и, как ни странно, эта комбинация ее не подвела.

– Мама, я больше, чем уверен, что ты неправильно все поняла, – твердо сказал Олег. – Наверняка, уже выдумала целую историю.

– Нет, сынок, что ты, ничего не выдумала, – она медленно

опустилась на стул и положила руку на сердце.

– Вам плохо? – подскочила я.

– Нет, деточка, мне хорошо.

Ваня озадаченно смотрел на нее, не понимая, что происходит.

– Я не то сказал? – с тревогой повторял он.

– Нет, сахарочек, ты очень даже хорошую вещь сказал. Знаешь, какой у них секрет? Такой, что сестренка у тебя все-таки будет.

– Вот это да! – с восторгом завопил Ванька и начал выделывать танцевальные па под какую-то собственную, не слышную нам музыку. Татьяна Николаевна присоединилась к нему, и вскоре в кухне закружился разноцветный вихрь.

– Что старый, что малый, – пробормотал Олег. – Мама уже давно мечтает о внуках.

Шумная вакханалия продолжалась несколько минут, в течение которых мы с Олегом молчали, уставившись в пол. Наконец, выбившаяся из сил Татьяна Николаевна снова опустилась на стул и принялась обмахивать себя обеими руками.

– Ванечка, а хочешь я тебя вальс научу танцевать? – спросила она игриво.

– Конечно, хочу!

– Тогда приезжай ко мне на неделе, можешь с ночевкой остаться. Когда тебе удобнее?

– В пятницу, – ответил за него Олег.

Глава 5.

С самого утра пятницы я находилась в почти одержимом состоянии, моя великанская решимость превратилась в скрюченного, испуганного карлика. Отведя сына в детский сад, я начала метаться по городу, накупила какой-то ерунды и едва не вырвала руки из суставов, пока поднимала тяжелые пакеты на свой четвертый этаж. Зачем мне все это? Гора съедобных и несъедобных вещей «украсила» кухонный стол, материально воплотив мою тихую истерику. Это подготовка к приходу Олега? Да нет, его вряд ли что-то из этого заинтересует. Кроме того, мы договорились, что вечером поедем к нему.

Немного отрезвил звонок из издательства, где мне напомнили, что ждали от меня новую рукопись еще два дня назад. Я села за компьютер, написала две строчки, а после очень заинтересовалась птичкой, которая присела на мой подоконник. В общем, дело опять не пошло.

Потом я получила смс-ку от Олега. «Готовишься? – спрашивал он. – Смотри, не подкачай. Мне нравится белое белье».

Ага, так он и потроллить меня успевает. Впрочем, он прав: от всего этого кошмара не поздно отшутиться.

Не найдя лучшего способа борьбы со стрессом, я начала ходить из угла в угол, изредка поглядывая на часы. Прошла целая вечность, а длинная стрелка сдвинулась только на два деления. Тогда я поняла, что на убийство времени это не по-

хоже – скорей время убивает меня.

Пришла еще одна смс-ка. «Почему не отвечаешь? Обиделась?», – спрашивал Олег.

Боже, какой же ты назойливый! Да не обиделась я!

Я попыталась до него дозвониться, но Олег вполне ожидаемо сбросил вызов – на личные звонки в рабочее время он не отвечает никогда. Впрочем, телефон тут же запищал снова, и на экране высветилось: «Я на совещании с китайцами, говорить пока не могу».

Так зачем же пишешь!? Ненавижу смс-ки!

В общем, одному богу известно, как я дожила до вечера, но к шести часам я была во всеоружии. Стоя перед большим зеркалом в прихожей, я придиричиво оглядела себя и, надо же, осталась довольна. Из зазеркалья на меня смотрела невысокая брюнетка с длинными густыми волосами, добровольно вьющимися на концах, и телом скорей подростка, чем взрослой женщины. Я всегда стеснялась своей худобы и недостаточности, как мне казалось, большой груди, но сейчас мое тело, несмотря на явные погрешности природы, казалось привлекательным. Кроме того, после беременности я так и не смогла сбросить пару лишних килограммов, прилепившихся к бедрам, и теперь они выглядели даже аппетитно. Единственное в моей внешности, чем я всегда гордилась беспрекословно, с тех самых пор, как начала себя осознавать и оценивать, были глаза – большие, темно-синие, – но именно они и выдавали сейчас мой возраст: в них больше не было де-

вичьего азарта, который заставляет меня с ностальгической улыбкой разглядывать старые фотографии, теперь там поселились усталость, тоска по минувшему и строгое внимание к окружающему миру...

Одежда – моя слабость, поэтому найти приличествующее случаю платье, которое Олег, к тому же, еще ни разу не видел, было довольно нелегко среди миллиона вешалок в шкафу. Но результат оказался пленителен. Голубое платье в пол с завышенной талией и темно-синим орнаментом на подоле и рукавах, которые опускались чуть ниже локтя, приоткрывало грудь, но целомудренно скрывало ноги. При этом, чего уж лукавить, оно мне было очень к лицу. Не слишком нарядно и не то чтобы буднично. Я довольна. Кроме того, против своего обыкновения я наложила на лицо легкий макияж, который меня заметно освежил.

К Татьяне Николаевне мы с Ваней поехали на метро и, конечно, натерпелись лиха – наше путешествие совпало с вечерним часом пик. Машина у меня есть, права тоже, но ездить я боюсь, поэтому при любой возможности слагаю с себя полномочия. Дом Татьяны Николаевны стоит буквально в двух шагах от «Приморской», а наш – в двух шагах от «Гостиного двора». Всего четыре шага по поверхности земли и несколько минут безумной толкотни под ней – и вот мы на месте.

Все полчаса, что я просидела у нее, старушка без устали мне подмигивала, чем вносила дикий разлад в мои и без того

угнетенные мысли. Наконец, Олег позвонил снизу и приказал мне спускаться.

В машине мы почти не говорили, едва ли перекинулись парой слов. Не говорили и в лифте, который поднимался, кажется целую вечность. Пока он натужно гудел, я ковыряла носком туфельки не слишком чистый пол, а Олег пристально разглядывал меня, как будто видел впервые.

Когда за нами захлопнулась дверь квартиры, он положил руку мне на плечо и властно привлек к себе. Я взвизгнула и попыталась вырваться.

– Что, так сразу?

– А что? – его дыхание немного сбилось. – Тебе нужно время?

– Ну, я не знаю... Может сначала поговорим?

Олег пожал плечами и отправился на кухню. Через минуту оттуда слышалось бормотание поставленного кипятиться чайника.

Квартира Олега – полная противоположность моей, светлой и летучей. Это берлога богатого холостяка, у которого нет времени самому заниматься ремонтом и подбором мебели. Во всем чувствуется рука опытного дизайнера, который, хорошо поняв своего заказчика, превратил его жилище в еще один футляр, удобный для надевания поверх основного. Тяжелые портьеры на окнах, способные «затушить» дневной свет и призвать сумерки в полдень, черная кожаная мебель, столы, покрытые зеленым сукном, наподобие ломбер-

ных, шкафы из темного дерева, натертый до блеска паркет. Я здесь бывала не однажды, и каждый раз меня слегка подавляла эта обстановка.

– Ты чего не проходишь? Думаешь, еще успеешь сбежать? – Олег широко и довольно нагло улыбался.

Я молча прошла в гостиную и села.

– Олег, давно хотела спросить, зачем ты так отделал квартиру? Это больше похоже на казино, чем на человеческое жилье.

– А мне нравится. Ты в ней выглядишь, как трофей, – он разглядывал меня жадно, совершенно не таясь и не стесняясь. Попробовал бы он так при других обстоятельствах!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.